
ИСТОРИЯ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-7-14
УДК 94 (47)

Дата поступления статьи: 1/VIII/2018
Дата принятия статьи: 12/IX/2018

А.С. Королев

СВЯТАЯ ОЛЬГА: НЕЗНАТНАЯ ПСКОВИТЯНКА ИЛИ МОГУЩЕСТВЕННАЯ КНЯГИНЯ ВЫШГОРОДА?

© *Королев Александр Сергеевич* – кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь.
E-mail: koryuz@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0072-7416>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме происхождения святой княгини Ольги. Автор отмечает противоречие в источниках, содержащих сведения по проблеме. С одной стороны, Ольге приписывается происхождение из Пскова, с другой – она представлена владелицей расположенного недалеко от Киева города Вышгорода. Следовательно, перед нами две взаимоисключающие версии места рождения Ольги.

В статье проанализирована версия псковского происхождения Ольги (как вариант, в котором Ольга принадлежит к местной знати, так и вариант ее рождения в незнатной семье). В результате делается вывод о сомнительности псковской версии. Не менее внимательно проанализированы все возможные варианты приобретения Ольгой Вышгорода. Особое внимание уделено версии о разводе Ольги и Игоря с последующей передачей Игорем Вышгорода бывшей жене. Параллельно поднимается проблема владельческих прав знатных женщин на Руси в X веке. Автор делает вывод, что Вышгород принадлежал Ольге по праву рождения. Объясняются причины появления преданий о происхождении Ольги из Пскова и участия Олега в организации ее брака с Игорем.

Учитывая, что хорошо укрепленный Вышгород вырос в 12–15 км к северу от Киева, и в X в. его территория была примерно равна территории столицы русов, установление факта происхождения княгини Ольги из семьи владельцев Вышгорода позволяет по-новому взглянуть как на причины ее утверждения в Киеве после гибели Игоря, так и на роль женщин в политической жизни Руси середины X века в целом.

Ключевые слова: Древняя Русь, Киев, русские князья, княгиня Ольга, Вышгород, русско-византийский договор, Олег, Псков.

Цитирование. Королев А.С. Святая Ольга: незнатная псковитянка или могущественная княгиня Вышгорода? // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-7-14>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-7-14
UDC 94 (47)

Submitted: 1/VIII/2018
Accepted: 12/IX/2018

A.S. Korolev

SAINT OLGA: HUMBLE INHABITANT OF PSKOV OR THE POWERFUL PRINCESS OF VYSHGOROD?

© Korolev Alexander Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, associate professor, independent researcher.
E-mail: koryuz@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0072-7416>

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the origin of the Saint Olga. The author notes the contradiction in the sources, containing information on the issue. On the one hand, Olga is credited with the origin of Pskov, on the other – it is presented as the owner of located near Kiev of the city of Vyshgorod. The author comes to the conclusion that we have before us two conflicting versions of the place of birth of Olga.

The article analyzes the origin version of the Pskov Olga (as an option, in which Olga belongs to the local nobility, and the option when she was born in a commoner family). The result is a conclusion about the ambiguity of the Pskov version. Analysis of local legends about Olga suggests that they are not a feature of Pskov. Not less carefully analyzed all possible options of purchasing Olga in Vyshgorod. Special attention is paid to the version of the divorce of Olga and Igor, with the subsequent transfer by Igor of Vyshgorod to his ex-wife. Both this version and legends about Olga's murder of her husband are doubtful. In parallel, the issue of possessory rights of noble women in Russia in the X century is raised. The author concludes that Vyshgorod belonged to Olga by right of birth. The reasons for the emergence of legends about the origin of Olga from Pskov and participation of Oleg in arranging her marriage to Igor are explained.

We must consider both that a well-fortified Vyshgorod originated in the 12-15 km to the North from Kiev and that in the X century its territory was roughly equal to the territory of the capital of ancient Russia. The establishment of the fact of origin of Princess Olga from the family owners of Vyshgorod allows new insight as to the reasons for its approval in Kiev after the death of Igor and the role of women in the political life of Russia of the middle of the X century as a whole.

Key words: Ancient Russia, Kiev, Russian princes, Princess Olga, Vyshgorod, Russian treaty with Byzantium, Oleg, Pskov.

Citation. Korolev A.S. *Sviataia Ol'ga: neznatnaia pskovitianka ili mogushchestvennaia kniaginia Vyshgoroda?* [Saint Olga: humble inhabitant of Pskov or the powerful Princess of Vyshgorod?]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-7-14>.

Введение

В «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) не много сведений о княгине Ольге до середины X в. Первое упоминание о ней относится к 6411 (903) г.: «Игореви же възрастъшу, и хожаше по Олзѣ и слушаа его, и приведоша ему жену от Пьскова, именем Олгу» [Повесть временных лет 1996, с. 16]. В следующий раз она появляется на летописных страницах лишь через сорок с небольшим лет – в 6453 (945) г. – в истории убийства древлянами киевского князя Игоря и страшной мести Ольги за мужа. Во время гибели Игоря Ольга, как сообщает ПВЛ, «бѣше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ» [Повесть временных лет, 1996, с. 27]. Расправившись с древлянами, обустроив дани и погосты по Мсте, а оброки и дани по Луге, оставив по себе яркую память – «ловища ея суть по всей земли, знамяня и мста и повосты и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дньне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Олжичи и доселе» – княгиня возвратилась «къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ въ любви» [Повесть временных лет 1996, с. 29]. В следующий

раз Ольга появится на страницах ПВЛ только через десятилетие – в истории посещения ею Константинополя.

Эта ранняя биография Ольги представляется простой и понятной – жена, вдова, заботливая мать, обязанная своим высоким положением удачному замужеству, которое устроил знаменитый Олег.

Происхождение княгини Ольги

Почти все летописные упоминания об Ольге так или иначе связаны с попытками (по большей части неудачными) жениться на ней. После гибели Игоря к ней посватался древлянский князь Мал, затем – византийский император. Учитывая, что в основе летописных известий за X в. лежат в основном разнообразные народные предания, можно подумать, что в последних Ольга неизменно представляла в образе непобедимой невесты – известного фольклорного персонажа. Это особенно заметно в предании, дошедшем до нас в составе созданной в 60-х гг. XVI в. «Книги Степенной царского родословия» («Степенная книга») [Полное собрание русских летописей 1908, с. 7–8]. Здесь сообщается,

что преследовавший зверя Игорь подъехал к реке, где встретил Ольгу, которая согласилась перевезти князя на другой берег. Начавшиеся затем домогательства князя были пресечены перевозчицей, после чего очарованный Ольгой Игорь женился на строгой девушке. В этой истории все символично: и фольклорная ситуация встречи героя с суженой на охоте (князь охотился на зверя, а встретил Ольгу — как не вспомнить сказочный мотив встречи с чудесным животным (лебедью, ланью и др.), превратившимся в девушку), и поединок, пусть и моральный, героя с невестой (не случайно, подъехавший к реке князь сначала подумал, что перевозчик — мужчина). Возможно, и в истории устройства этого брака Олегом также отразился сказочный мотив «волшебного помощника» героя, который помогает ему добыть невесту. Символично и то, что Ольга перевозит Игоря на другой берег, что предопределяет судьбу князя — перевоз через реку в свадебных песнях «знаменует переход в новый род, новую семью» [Соколова 1970, с. 15–16].

Вошедшая в «Степенную книгу» история знакомства-брака Игоря и Ольги весьма напоминает повесть об отношениях другой знаменитой княжеской пары — Петра и Февронии. И тут, и там действует непростая девушка низкого происхождения, привязавшая к себе князя. В ПВЛ мотив незнатного происхождения Ольги явно не прослеживается. В «Степенной книге», напротив, на нем заострено внимание. Не случайно здесь родиной Ольги указывается даже не Псков, а некая весь (село) Выбутская под Псковом. Как известно, по сей день на село (погост) Выбутино, расположенное на берегу реки Великой в десяти километрах выше Пскова, указывают туристам как на родину Ольги. Однако И.И. Малышевский еще в конце XIX в. обратил внимание на то, что причиной перенесения родины Ольги из Пскова в Выбутино явилось сообщение жития княгини, помещенного в «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария (30–40-е гг. XVI в.), будто во время свадьбы Игоря и Ольги Пскова (прослеживающегося археологически с VIII в.) не существовало. «Степенная книга» развивает эту мысль, рассказывая, что много позднее именно Ольга и основала Псков [Малышевский 1889а, с. 10–12]. А на то, что из всех псковских сел именно Выбутино было избрано в качестве места рождения Ольги, повлияло сообщение Никоновской летописи (также поздней, XVI в.) о каком-то селе Ольги Будутине, куда она сослала свою ключницу Малушу, мать Владимира. Это село Ольга перед смертью, якобы завещала некой Богородичной церкви [Полное собрание русских летописей 1862, с. 35]. Вероятно, И.И. Малышевский прав и в том, что сообщение о низком происхождении Ольги — также логический вывод, сделанный летописцами, теперь уже из предположения о сельском происхождении жены Игоря: «Если Ольга происходила из села, то она и была поселянка, простая сельская девушка. Такой вывод поощрялся и тем отмечаемым в житиях обстоятельством, что об именах отца и матери Ольги «нигде же писания

изъяви». Следовательно, это были люди безвестные, простые» [Малышевский 1889а, с. 12].

В первой четверти XX в. псковский краевед Е.И. Исполатов заметил, что вышеупомянутый погост Выбута (или Выбутино) близ Пскова «называется также Лыбута (или Лыбуты). Последнее название вернее, так как это есть измененное Любута. Подобных названий, происходящих от корня «люб», немало в Псковской губ.»: так, «на западном берегу Псковского озера есть местечка Лыбовка, которое жители Гдовского уезда называют Любювка. Рассказывают, что здесь какой-то князь влюбился в местную жительницу; а неподалеку отсюда, к северу, находится селение Изменка, где тот же князь изменил своей симпатии!» [Исполатов 1924, с. 47]. Таким образом, в окрестностях Пскова ходило довольно много легенд о романе некоего князя с местной девушкой. Учитывая популярность Ольги, можно предположить, что эта традиция была увязана с ней, а затем перешла и в позднее летописание.

Если фантазия составителей «Степенной книги» превратила Ольгу в крестьянку, то такая же фантазия составителя Ермолинской летописи (вторая половина XV в.) сделала ее «княгиней из Пскова» [Полное собрание русских летописей 1910, с. 4]. Более поздние летописцы охотно разделили эту точку зрения, даже приукрасив ее. Так, Типографская летопись (первая половина XVI в.), сославшись на рассказы «некоторых», признала Ольгу дочерью Олега [Типографская летопись 2000, с. 9]. Тут явно повлияло сообщение ПВЛ о том, что именно Олег привлек Ольгу к Игорю. Об Ольге как о дочери Олега сообщают Пискаревский летописец (первая четверть XVII в.) и Холмогорская летопись (вторая половина XVII в.) [Полное собрание русских летописей 1978, с. 36; Полное собрание русских летописей 1977, с. 15]. А Мазуринский летописец (80-е годы XVII в.) называет Ольгу «правнукою» легендарного Гостомысла [Полное собрание русских летописей 1968, с. 39]. Возможно, на стремлении поздних летописцев приписать Ольге знатное происхождение сказалась реакция на вольные умозаключения «Степенной книги». Однако и в этом случае мы имеем дело с фантазиями, основанием для которых послужило все то же глухое сообщение ПВЛ о приходе Ольги из Пскова.

Сомнительность псковского происхождения Ольги

Кажется, связь Ольги с Псковом не вызывает сомнений. ПВЛ сообщает, что сани княгини находятся в городе «и до сего дьне». В одном из псковских синодиков (в списке XVI в.) сообщалось даже о погребении Ольги в местном Ивановском женском монастыре [Серебрянский 1915, с. 33]. Еще в XIX в. близ Пскова показывали «Ольгин городок» (в писцовых книгах так называлось село Перино близ Снетогорского монастыря), «Ольгин дворец» (еще одна псковская деревня, известная также как Житник), «Ольгины ворота» — рукав реки Великой, «Ольгины слуды» (слуда — подводный камень) — другой рукав той же реки, но неглубокий,

с каменистым дном, «Ольгину гору», «Ольгин крест» и т. д. [Толстой 1861, с. 76, 78; Малышевский 1889b, с. 330–331]. И в XX в. приезжающим рассказывали на Псковщине предания о «сильной богатырке» Ольге, легко переносившей с места на место огромные камни [Рыдзевская 1978, с. 200]. Однако окрестности Пскова – не единственное место, где бытовали легенды, привязанные к имени Ольги. Уже ПВЛ связывает с именем княгини погосты по Мсте и Луге, «перевесища» по Днепру и Десне, какое-то село Ольжичи и всякие «ловища», «знамянья», «мѣста» и «повосты», разбросанные «по всей земли». В поздней, так называемой Витебской летописи имеется предание о посещении Ольгой Полоцкой земли и основании княгиней Витебска [Довнар-Запольский 2012, с. 70]. В XVII в. в Ярославской области показывали один большой камень на берегу Волги, близ устья Мологи, который назывался «Ольгиным» [Буслаев 2003, с. 315]. А в XIX в. крестьяне Овручского уезда (в древности – Древлянская земля) показывали проезжающим колодцы, из которых Ольга якобы пила или которые выкопали по ее приказу, водоемы, в которых княгиня купалась, после захвата Искростеня и огромные холмы, каждый из которых крестьяне ближайшего к нему села выдавали за курган, насыпанный Ольгой над могилой Игоря. А еще здесь можно было увидеть «Ольгину долину», «Игорев брод», «Ольгину ванну» (или «Ольгину купальню»), «Ольгину гору», «Ольгин колодец» и т. д. [Мамаев 1901, с. 820; Коробка 1908, с. 2–10]. Так что выделять Псковскую землю в качестве какой-то особой местности бытования топонимических легенд об Ольге было бы неправильно. Скорее, наоборот, внимание исследователей (следующих за сообщением ПВЛ) к псковским легендам об Ольге продиктовано убежденностью в том, что Псковщина и есть родина знаменитой княгини.

Исследователи неоднократно ставили под сомнение псковское происхождение Ольги. В качестве аргументов выдвигались тезисы об отдаленном положении Пскова от Киева и отсутствии между ними в то время устойчивых связей. Поэтому В.А. Пархоменко даже предположил, что Ольгин «Плесков следует искать на юго-востоке, отнюдь не смешивая со Псковом, в то время не связанным с Киевом» [Пархоменко 1924, с. 88]. Позднее Н.Н. Воронин заметил, что, несмотря на древность Пскова, «вряд ли нога Ольги ступала по его улицам. Еще в начале XI века Псков был для Киева своего рода Сибирью – местом прочной и далекой ссылки. Сюда еще в 1036 году Ярослав заточил своего младшего брата Судислава» [Воронин 1945, с. 45]. Однако эти аргументы можно было бы считать чисто умозрительными, если бы в самой ПВЛ не содержалось намека на происхождение Ольги из другого города, причем расположенного довольно близко от Киева. Как известно, после разгрома земли древлян Ольга возложила на побежденных «дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ольѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ» [Повесть временных лет 1996, с. 29].

Вышгород – город Ольги

Хорошо укрепленный Вышгород вырос в 12–15 км к северу от Киева, и в X в. его территория была примерно равна территории «матери городов русских» [Довженок 1949, с. 40; Толочко 1975, с. 23–24]. То, что Вышгород играл в середине X в. значительную политическую и экономическую роль, понятно из упоминания «Вусеграда» в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» в качестве одного из центров русов, откуда прибывают корабли в Константинополь [Константин Багрянородный 1991, с. 45]. Возникает вопрос: каким образом этот значительный, близко расположенный от Киева город стал «градом Ольги»? Конечно, ничего удивительного в том, что женщина в X в. могла иметь во владении город, нет. Историки неоднократно обращали внимание на упомянутых в русско-византийском договоре 944 г. княгинь, отправивших послов на переговоры с греками – Предславу, Сфандру, ту же Ольгу. Б.Д. Греков предположил, что «естественнее всего» – это «вдовы, продолжающие представлять свои знатные фамилии и после смерти мужей, подобно тому, как Ольга не потеряла своего главенствующего положения после смерти своего мужа Игоря. Это говорит об устойчивости знатных фамилий, т. е. о прочности их материальной базы» [Греков 1945, с. 43]. Политическое влияние, контроль над городом, тем более таким сильным, как Вышгород, безусловно, можно признать прочной материальной базой. Однако, судя по сообщению ПВЛ, Ольга являлась владелицей Вышгорода еще до того, как стала вдовой Игоря. Как известно, в качестве вдовы она как раз перебралась в Киев, где ее и осадили печенеги в 968 г.

Если исходить из положения о том, что Ольга была обязана своим возвышением браку с Игорем, то можно выдвинуть и другое предположение о причине, по которой киевский князь передал жене Вышгород. Напрашивается параллель с внуком Ольги Владимиром, который, охладев к Рогнеде, отправил ее на жительство в село на Лыбеди, а затем передал ей с сыном город Изяславль. Практика обеспечивать брошенных жен правителей владениями встречается не только на Руси. В исландских сагах сообщается о событиях, кажется, конца X в.: «В то время, когда Норегом правил ярл Хакон, Эйрик был конунгом в Свитьод. [...] Конунг Эйрик взял в жены Сигрид Суровую, и был их сыном Олав Свенский. Так говорят люди, что этот конунг хотел расстаться с королевой Сигрид и не хотел выносить ее вспылчивость и высокомерие, и стала она королевой над Гаутландом. А конунг потом взял в жены дочь ярла Хакона. Ему наследовал его сын Олав» [Джаксон 1993, с. 141]. Если предположить, что случай с Рогнедой не исключение, то можно предположить и передачу Ольге Вышгорода, хотя, учитывая масштаб сделанного Игорем подарка, его возможность вызывает сомнения, все-таки Вышгород – не какой-то Изяславль.

В связи с этим предположением нельзя оставить без внимания уже упомянутые устные преда-

ния об Ольге, распространенные в конце XIX в. на территории Овручского уезда. Наряду с рассказами об «Ольгиной горе», «Ольгином колодце» и т. д. фольклорист Н.И. Коробка записал в местечке Искорость предания об убийстве Ольгой своего мужа, которого рассказчики то называли Игорем, то оставляли безымянным. Например, Н.И. Коробке рассказали, будто Игорь купался в реке, Ольга проходила мимо с войском, зрелище показалось Ольге неприятным, она велела убить купальщика, а на месте его могилы насыпать огромный курган, так как Игорь был ее мужем. По другой легенде Ольга убивает мужа, не узнав его в чужой одежде (правда, он и переоделся-то, чтобы она его не узнала), а затем опознает по перстню на руке. В северной части уезда Н.И. Коробка записал в начале XX в. предание, повествующее о споре супругов, в результате которого Ольга убила мужа. Наконец, местные жители рассказывали о семилетней осаде Ольгой города, в котором укрывался от нее муж. Когда же супруг решил вырваться из города с помощью подземного хода, который прокопали до Киева, Ольга догадалась об этом, и несчастный был убит у выхода из подкопа. Н.И. Коробка отмечал, что предания о войне Игоря и Ольги и убийстве ею мужа вообще очень распространены в Овручском уезде [Коробка 1908, с. 6–10]. Ознакомившись со всем этим, можно, кажется, поверить и в возможность развода Игоря и Ольги, и даже в ее причастность к убийству бывшего мужа. По крайней мере, древность преданий о гибели Игоря и мести Ольги, распространенных на территории бывшей Древлянской земли, несомненна. Еще в 1710 г. В.Н. Татищев, продвигавшийся «из Киева с командой», осмотрел близ города Коростеня «холм весьма великий на ровном месте близ речки», который назывался местными жителями «Игровой могилой» [Татищев 1994, с. 222, 305]. Правда, совершенно непонятно, как соотносится все это с летописным повествованием об убийстве Игоря древлянами и последовавшим затем опустошением Древлянской земли Ольгой. Обращает на себя внимание и то, что Н.И. Мамаев (проезжавший через Овручский уезд в 1871 г.), Н. Вербицкий (побывавший здесь в 1854 г.) и тот же В.Н. Татищев, оставившие в своих описаниях упоминания о всевозможных топонимических легендах, связанных с именем Ольги, не знали преданий об убийстве Ольгой Игоря. И это при том, что, как пишет Н.И. Коробка, «народные предания, известные г. Вербицкому, переданы им не целиком, а в пересказе и притом так переплетены с собственными учеными домыслами и сведениями, почерпнутыми из книжных источников, что не всегда можно решить, где кончается народное сказание и где начинается домысел автора» [Коробка 1908, с. 8]. Вероятно, при таком подходе к делу, если бы Н. Вербицкий услышал что-то из записанного позднее Н.И. Коробкой, он вставил бы это в свои заметки. Также поступил бы, вероятно, и В.Н. Татищев. Выходит, или что-то изменилось в этих преданиях за время, прошедшее между поездками Н. Вербиц-

кого и Н.И. Коробки, или первый не «услышал» того, на что обратил внимание второй. Возможно, и то, что крестьяне могли «подыграть» Н.И. Коробке, заметив его интерес к местным легендам, тем более что, как получается, он был далеко не первым, кто расспрашивал их об Игоре, Ольге, Мале и т. д. Поскольку, согласно описанию Н.И. Мамаева, Овручский уезд «самый бедный, самый неплодородный во всей губернии» [Мамаев 1901, с. 819], местные рассказчики могли что-то выдумать, желая подогреть интерес слушателя к своему рассказу и надеясь на вознаграждение. Наконец, рассказывая Н.И. Коробке предания об Игоре и Ольге, они могли просто перепутать Игоря и Мала, сватавшегося к Ольге. Мал, конечно, не был мужем Ольги, но мотив поисков Ольгой мужа, охоты за ним с целью убийства также показателен. Задача спрятаться — обычное испытание жениха в сказке, а потому не стоит ударяться в фантазии и превращать Ольгу в мужеубийцу.

Что же касается вопроса о способе приобретения Ольгой Вышгорода, то окончательное его решение вряд ли возможно — мало информации. И все-таки более вероятным представляется, учитывая реалии середины X в., не то, что Игорь мог передать Ольге в управление столь значительный город, а то, что Вышгород изначально и был владением Ольги (или ее семьи), а ее брак с князем киевским Игорем был союзом двух княжеских семей Русской земли, союзом, укрепившим положение этой супружеской пары среди двух десятков русских князей, объединившихся вокруг Киева, чьи имена перечислены в русско-византийском договоре 944 г.

Относительно летописного сообщения о появлении Ольги из Пскова мы можем быть твердо уверенными лишь в том, что в псковских пределах существовала устойчивая и довольно рано сложившаяся (не позднее создания ПВЛ) традиция связывать происхождение княгини с этими местами. Возможно, причиной тому были как раз сани Ольги, хранившиеся в Пскове. Логика простая: предмет находится в каком-то месте, значит, и его владелец как-то связан с этими местами. Б.Д. Греков, правда, пытался идти от обратного, вопрошая читателей своей известной книги: «Причем тут сани? Я думаю, что сани — это вещественное доказательство (предмет материальной культуры) того, что Ольга действительно ездила по Новгородской земле» [Греков 1953, с. 301–302]. Между тем не факт, что известия об этих санях действительно свидетельствуют о пребывании княгини в Пскове. Возможно, мы имеем дело с неким аналогом позднейших легенд о каретах императрицы Екатерины II, якобы застревавших в грязи в самых разных русских городах.

Наконец, коснемся сообщения о том, что Ольгу привел Игорю Олег. На этот счет, вероятно, существовало предание, глухо отразившееся в летописном тексте. Впрочем, не исключено и другое. Летописцам, особенно поздним, было свойственно

смешивать образы Олега и Ольги – ей приписывали то, что, согласно рассказам ПВЛ, совершал он, и наоборот. Так в летописях XVII в. отразилось предание о взятии Олегом древлянского города Колец (Корец), Олегу же приписывается и упорядочение податей на Руси [Халанский 1902, с. 291–298; Халанский 1903, с. 31–32]. Однако в позднее летописание XVII в. попало предание не о путешествии, а о военном походе Ольги на Константинополь, использовании в этом походе горящих птиц, полученных в качестве дани, и т. д. [Бычков 1882, с. 154; Кирпичников, 1897, с. 61; Халанский 1903, с. 6; Серебрянский 1915, с. 76–77]. Об относительной древности этих преданий свидетельствует сообщение новгородца Добрыни Ядрейковича, посетившего Константинополь в начале XIII в. В Софийском соборе он видел «и блюдо велико злато, служебное, Ольги Руской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду» [Малето 2005, с. 221]. Причиной этой путаницы было, вероятно, отмеченное В.Л. Комаровичем «поразительное во всех отношениях сходство этих двух княживших в Киеве первой половины X в. лиц: созданная Олегом племенная федерация с «матерью городов» в центре расширяется и внутренне организуется походами и «уставами» Ольги; одинаково независимы у обоих отношения с Византией: оба одинаково «хитры»; оба овеяны легендарными преданиями со скандинавскими параллелями; оба носят, наконец, одно и то же имя: Ольга – форма женского рода от древней формы мужского, с глухим гласным: Ольга, Олег» [Комарович 1960, с. 91]. А.М. Ранчин, правда, обратил внимание и на различия: «...история Ольги в ПВЛ – это в отдельных деталях как бы повторение истории Олега и вместе с тем как бы снятие тех изъянов, которые были ему присущи» [Ранчин 2007, с. 151]. Так что предание о приведении Ольги к Игорю Олегом (как и позднейшее – о родстве Ольги и Олега) могло быть отражением не реальных событий, а все того же осознания сходства их образов, а следовательно, и наличия связи между этими героями.

Заключение

Взгляд на Ольгу как на могущественную и самостоятельную княгиню Вышгорода совершенно меняет и наше восприятие этого образа, и представление о роли женщины в политической жизни Древней Руси. Становится понятным, что утверждение Ольги в Киеве в качестве правительницы после гибели Игоря от рук древлян произошло не только вследствие ее брака с убитым, но и благодаря ее происхождению и влиянию в союзе русских князей, возглавляемых киевским князем.

Библиографический список

Буслаев Ф.И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. М.: Высшая школа, 2003. С. 302–327.

Бычков А.Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. СПб.: Типография Имп. АН, 1882. Ч. 1. 692 с.

Воронин Н.Н. Древнерусские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 110 с.

Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 79 с.

Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 566 с.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М.: Наука, 1993. 304 с.

Довнар-Запольский М. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 176 с.

Исполатов Е.И. Три псковских легенды // Познай свой край: сборник Псковского общества краеведения. Псков: Издание Псковского общества краеведения, 1924. Вып. 1. С. 45–47.

Кирпичников А.И. К литературной истории русских летописных сказаний // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской АН. СПб.: Типография Имп. АН, 1897. Т. 2. Кн. 1. С. 54–64.

Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 84–104.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Коробка Н.И. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче. СПб.: Типография Императорской АН, 1908. 37 с.

Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников, XII–XV века: Исследование, тексты, комментарии. М.: Наука, 2005. 438 с.

Малышевский Н.И. Происхождение русской великой княгини Ольги св. // Киевская старина. 1889а. Июль. С. 1–27.

Малышевский Н.И. Происхождение русской великой княгини Ольги св. // Киевская старина. 1889б. Август. С. 325–353.

Мамаев Н. И. Записки // Исторический вестник. 1901. Сентябрь. С. 784–827.

Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л.: Государственное изд-во, 1924. 116 с.

Повесть временных лет / подгот. текста, пер., статьи и комментарии Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 669 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1862. Т. 9: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 256 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. Т. 21. Первая половина: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. 342 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. Т. 23: Ермолинская летопись. 243 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. 264 с.

Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1977. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. 252 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. 304 с.

Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 576 с.

Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования). М.: Наука, 1978. С. 159–236.

Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты (Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1915 г. Кн. 3). М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1915. 491 с.

Соколова В.К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.

Татищев В.Н. История Российская. Ч. 1. // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Ладомир, 1994. Т. 1. 500 с.

Типографская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. 24). М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 5–56.

Толстой М.В. Святыни и древности Пскова. М.: Университетская типография, 1861. 170 с.

Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Август. С. 287–356.

Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ноябрь. С. 1–40.

Довженок В.Й. Древній Вишгород // Вісник Академії Наук УРСР. 1949. № 8. С. 40–48.

References

Buslaev F.I. *Bytovye sloi russkogo eposa* [Household sectors of the Russian epos]. In: Buslaev F.I. *Narodnyi epos i mifologiya* [Russian epos and mythology]. М.: Vysshaya shkola, 2003, pp. 302–327 [in Russian].

Bychkov A.F. *Opisanie tserkovno-slavianskikh i russkikh rukopisnykh sbornikov Imperatorskoi publichnoi biblioteki* [Description of Church Slavonic and Russian manuscript collections of the Imperial public library]. SPb.: Tipografiya Imp. AN, 1882, Part 1, 692 p. [in Russian].

Voronin N.N. *Drevnerusskie goroda* [Cities of Ancient Russia]. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1945, 110 p. [in Russian].

Grekov B.D. *Bor'ba Rusi za sozdanie svoego gosudarstva* [Russian fight for the creation of the state]. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1945, 79 p. [in Russian].

Grekov B.D. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1953, 566 p. [in Russian].

Jackson T.N. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope (s drevneishikh vremen do 1000 goda)* [The Icelandic Royal Sagas about the Eastern Europe (from ancient times up to 1000 year)]. М.: Nauka, 1993, 304 p. [in Russian].

Dovnar-Zapolskiy M. *Ocherk istorii krivichskoi i dregovichskoi zemel' do kontsa XII stoletia* [History of the krivich's and dregovich's lands until the end of the XII century]. М.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012, 176 p. [in Russian].

Ispolatov E.I. *Tri pskovskikh legendy* [Three Pskov legends]. In: *Poznai svoi kraii. Sbornik Pskovskogo obshchestva kraevedeniia* [Learn your region. The collection of Pskov society of local history]. Pskov: Izdanie Pskovskogo obshchestva kraevedeniia, 1924, Issue 1, pp. 45–47 [in Russian].

Kirpichnikov A.I. *K literaturnoi istorii russkikh letopisnykh skazanii* [On the literary history of Russian Chronicles tales]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi AN* [News of the branch of the Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences]. SPb.: Tipografiya Imp. AN, 1897, Vol. 2, Book 1, pp. 54–64 [in Russian].

Komarovich V.L. *Kul't roda i zemli v kniazheskoi srede XI–XIII vv.* [The cult of gender and land in the princely environment of the XI–XIII centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian literature (the Pushkin House) of the Academy of Sciences of USSR]. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960, Vol. 16, pp. 84–104 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodny. *Ob upravlenii imperiei. Tekst, perevod, kommentarii. Pod red. G.G. Litavrina i A.P. Novosel'tseva* [Controlling the Empire. Text, translation, commentaries. G.G. Litavrin, A.P. Novosel'tsev (Eds.)]. М.: Nauka, 1991, 496 p. [in Russian].

Korobka N.I. *Skazaniia ob urochishchakh Ovruchskogo uezda i byliny o Vol'ge Sviatoslaviche* [Stories about the tracts of Ovruch district and epics of the Volga Svyatoslavich]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi AN, 1908, 37 p. [in Russian].

Maleto E.I. *Antologiya khozhenii russkikh puteshestvennikov, XII–XV veka: Issledovanie, teksty, kommentarii* [Anthology of Russian travellers' journeys, XII–XV century: Research, texts, comments]. М.: Nauka, 2005, 438 p. [in Russian].

Malyshevskiy I. *Proiskhozhdenie russkoi velikoi kniagini Ol'gi sv.* [The origin of the Russian Grand Princess Olga the Saint]. *Kievskaya starina* [Kievan antiquity], 1889a, July, pp. 1–27 [in Russian].

Malyshevskiy I. *Proiskhozhdenie russkoi velikoi kniagini Ol'gi sv.* [The origin of the Russian Grand Princess Olga the Saint]. *Kievskaya starina* [Kievan antiquity], 1889b, August, pp. 325–353 [in Russian].

Mamaev N.I. *Zapiski* [Notes]. *Istoricheskii vestnik* [Historical journal], 1901, September, pp. 784–827 [in Russian].

Parhomenko V.A. *U istokov russkoi gosudarstvennosti (VIII–XI vv.)* [The origins of the Russian state (VIII–XI centuries)]. L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1924, 116 p. [in Russian].

- Povest' vremennykh let. Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Likhacheva. Pod redaktsiei V.P. Adrianovoi-Peretts* [Primary Chronicle. Preparation of the text, translation, articles and commentaries by D.S. Likhachev. V.P. Adrianova-Peretts (Ed.)]. SPb.: Nauka, 1996, 669 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa, 1862, Vol 9: VIII. Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's annals, 256 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. SPb.: Tipografiia M.A. Aleksandrova, 1908, Vol. 21. First half: The book of Steppen's royal genealogy, Part 1, 342 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. SPb.: Tipografiia M.A. Aleksandrova, 1910, Vol. 23: Ermolin chronicle, 243 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. M.: Nauka, 1968, Vol. 31: Chroniclers of the last quarter of the XVII century, 264 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. L.: Nauka, 1977, Vol. 33: Kholmogory Chronicle. Dvina chronicler, 252 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. M.: Nauka, 1978, Vol. 34: Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscow and Belskiy chroniclers, 304 p. [in Russian].
- Ranchin A.M. *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiiakh, razborakh i kommentariiakh* [Vertograd Zlatoslovny: Old Russian book culture in the interpretations, analysis and reviews]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 576 p. [in Russian].
- Rydzhevskaya E.A. *K voprosu ob ustnykh predaniyakh v sostave drevneishei russkoi letopisi* [On the issue of oral tradition in the composition of the earliest Russian chronicle]. In: Rydzhevskaya E.A. *Drevniia Rus' i Skandinaviia v IX–XIV vv. (materialy i issledovaniia)* [Ancient Rus' and Scandinavia in the IX–XIV centuries (materials and research)]. M.: Nauka, 1978, pp. 159–236 [in Russian].
- Serebryanskiy N.I. *Drevnerusskie kniazheskie zhitia. Obzor redaktsii i teksty (Chteniia v Imperatorskom obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete. 1915 g. Kn. 3)* [Ancient princely life. An overview of the editions and texts (Readings in the Imperial society of History and Russian Antiquities under the Moscow University. 1915, Book 3)]. M.: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1915, 491 p. [in Russian].
- Sokolova V.K. *Russkie istoricheskie predaniia* [Russian historical legends]. M.: Nauka, 1970, 288 p. [in Russian].
- Tatischev V.N. *Istoriia Rossiiskaia. Ch. 1.* [History of Russia. Part 1]. In: *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works issued: in 8 Vols.]. M.: Ladimir, 1994, Vol. 1, 500 p. [in Russian].
- Tipografskaia letopis'. (Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 24)* [Printing Chronicle. (Full collection of Russian Chronicles. Vol. 24)]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, 272 p. [in Russian].
- Tolochko P.P. *Kievskaiia zemlia* [The land of Kiev]. In: *Drevnerusskie kniazhestva X–XIII vv.* [Principalities of Ancient Russia (X–XIII centuries)]. M.: Nauka, 1975, pp. 5–56 [in Russian].
- Tolstoy M.V. *Sviatyni i drevnosti Pskova* [Shrines and antiquities of Pskov]. M.: Universitetskaia tipografiia, 1861, 170 p. [in Russian].
- Khalanskiy M. *K istorii poeticheskikh skazanii ob Olege Veshchem* [On the history of poetic tales about Oleg the Prophet]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Education], 1902, August, pp. 287–356 [in Russian].
- Khalanskiy M. *K istorii poeticheskikh skazanii ob Olege Veshchem* [On the history of poetic tales about Oleg the Prophet]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Education], 1903, November, pp. 1–40 [in Russian].
- Dovzhenok V.Y. *Drevnii Vishgorod* [Ancient Vyshhorod]. *Visnik Akademii Nauk URSS* [Bulletin of the Academy of Sciences of URSS], 1949, no. 8, pp. 40–48 [in Ukrainian].